

Чтоб жить в квартире, а не в хлеве,
И класть на совесть кирпичи,
Он выступал на разогреве
Большой мартеновской печи.

Чтоб поедать в кафе эклеры
И на фуршетах канапе,
Он мог читать хоть под фанеру,
Хоть под листы из дсп.

Что нужно делать всё попроще,
Он заучил, как «Отче наш»,
И выходил, смеясь, на площадь,
И выходил, шутя, в тираж.

Дружил с башкой, дружил со светом
И, изучив среду и спрос,
Мгновенно стал большим поэтом
И уважением оброс.

Фанаты, сети, группы тоже,
Под ним давно «Ютуб», «Фейсбук»,
Одет с иголки, как ёжик,
В аплодисменты тысяч рук.

Как надоела эта лажа!
Талант не ставят и в гроши,
Поэт сегодня—раб продажи,
Продажи собственной души.

.....

Мой режим—как топор палачей,
Он карает любую небрежность.
Я питаю отцовскую нежность
К беспокойству бессонных ночей,

К жёлтым шапкам речных фонарей,
К абрикосовым краскам рассвета,
К той прохладе безлюдного лета,
Где живётся свежее, быстрее,

В меня давно вселились черти,
Но за аренду—ни гроша.
Веду здоровый образ смерти.
Веду под ручку не спеша

Свою депрессию к рестарту.
Читаю рэпчик и Дюма.
Любовь доводит до азарта,
Но не доводит до ума.

Ведь перед ней мы слишком слабы
И к помешательству близки.
Все наши горести—от бабы,
Не от Матфея и Луки.

Во мне от слова «Милавица»
Вскипают чайником мозги.
Ещё ведь надобно жениться,
Но мы и так почти враги!

А с кем она там делит ложе,
В своей резиновой Москве?
Мурашки бегают по коже,
А тараканы в голове.

Да я как вспомню: «Ешь васabi»,
«Болят спина—иди к врачу»!
Всё наше горе—только в бабе.
Но это горе я хочу!

Где плескаются в кронах ветра,
Где мечтаешь навеки остаться...
Только нужно ложиться в двенадцать,
Чтобы встать на работу с утра.

Так и рвётся заветная нить,
Оттого и слабеет сцепленье.
Как же сложно сберечь удивленье,
Без которого холодно жить.

● ● ●
Как же быть, коль лежишь на диване,
Но душа твоя просится в лес?
Как же быть, если пусто в кармане,
А в него ты за словом полез?

Как же быть, если сверху до низа
Только слякоть, насмешки и глум?
Если брошен не жребий, не вызов—
Брошен ты в одиночестве дум?

Как же быть, если сморщена вера?
Если падаешь вниз, не скользя?
Если смог стать хорошим примером—
Но примером того, как нельзя?

Если сорваны розы и маски
И ты ищешь не правду, а дым,
Чтоб сгустить молоко, а не краски,
Чтоб себя вспоминать молодым?

Как же быть? Эти строки—не ради
Чьих-то слёз и поджатых хвостов.
Просто в жизни моей, как в тетради,
Слишком много помятых листов...

● ● ●
Убегаю из людных мест,
Манят дали.
На себе я поставил крест—
Не распяли.

В ванной ржавится мёртвый душ—
Да, картина...
Умный в жизни срывает куш,
Глупый—спину.

На работе опять затор,
Сплошь рутина.
Я хожу туда, как сапёр,—
С грустной миной.

Осыпается потолок.
Утро. Восемь.
Осыпает собой порог
Дура-осень.

Я уставший. Ни рук, ни ног.
В чьи-то сети
Первый встречный спешит, как Бог.
Ветер, ветер...

.....
● ● ●
На глазах её мелкие льдинки,
На ногах—золотые пески.
Я ловлю себя в каждой морщинке
Постаревшей холодной реки.

Очень тихо: ни уток, ни рыбы,
Только ветер без чувства вины
Прорезает по линии сгиба
Чёрный контур игривой волны.

Все мы ищем для сердца отраду,
Заедаем восторгами стресс.
Я смотрю зачарованным взглядом
На гладильную доску небес,

Будто в глубь антикварной витрины,
Будто в рай безмятежного сна.
И меня золотой паутиной
Оплетает седая луна.

И одно лишь желание гложет—
Вдруг спуститься, стирая следы,
Чтоб погладить гусиную кожу
На изнеженном теле воды,

Прикоснуться, проникнуть и слиться
С этим миром смолистой тоски,
Гладить кружева чёрного ситца
Теплотой огрубевшей руки.

Наше чистое—наша природа.
Наша сила. И наша беда.
Ведь её глубины и свободы
Нам, увы, не достичь никогда.